

КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНТЕКСТЕ «НОВОГО КУРСА» Л. ФОН КАПРИВИ

С. В. Солодовникова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 27 октября 2022 г.

Аннотация: *проведен анализ эволюции колониальной политики Германской империи в 1880-е – первой половине 1890-х гг. и факторов ее трансформации, рассмотрены основные направления экспансии в контексте отношений с великими державами.*

Ключевые слова: *колониальная экспансия, Восточная Африка, рейхсканцлер Л. фон Каприви, «новый курс», англо-германские отношения, «договор перестраховки».*

Abstract: *the article analyzes the evolution of the colonial policy of the German Empire in the 1880s – the first half of the 1890s and the factors of its transformation, the main directions of expansion are considered in the context of relations with the great States.*

Key words: *colonial expansion, East Africa, Reich Chancellor L. von Caprivi, New Deal, Anglo-German relations, reinsurance contract.*

Практика соотносить деятельность германских рейхсканцлеров с принципами, заложенными О. фон Бисмарком, сложилась вскоре после его отставки и в значительной мере под его же влиянием. Менее всего, пожалуй, «повезло» непосредственному преемнику «железного канцлера», чью политику определили как «новый курс», – Георгу Лео фон Каприви (1831–1899).

Новый рейхсканцлер происходил из старинной аристократической семьи, обосновавшейся в Вернигероде с конца XVII в. Он прошел все ступени военной карьеры, за несколько недель до начала франко-прусской войны имел чин майора Генерального штаба, однако вскоре сделал стремительную карьеру. В 1880-е гг. он возглавлял Адмиралтейство, где и попал в поле зрения придворных кругов [1, S. 5].

Его назначение рейхсканцлером было связано и с проявленными им управленческими способностями, но в большей степени с его прочной поддержкой в Генеральном штабе, традиционно игравшем существенную роль в определении политического курса в стране. Эта роль была несколько нивелирована Бисмарком, что не могло не вызывать неудовольствие высшего военного командования с тех времен, когда фокус общественного внимания явно сместился на гражданскую администрацию, которую, собственно, Бисмарк и олицетворял. Каприви воспринимался противопоставлением Бисмарку во всем – начиная от происхождения и заканчивая политическим курсом.

Вместе с тем данное представление выглядит явным упрощением, особенно при анализе внешней политики Германии в 1890–1894 гг., одной из составляющих которой выступал колониальный вопрос.

Общеизвестно, что для Бисмарка важнейшие внешнеполитические задачи Германии были сосредоточены в Европе, в то время как колониальные сюжеты выступали в качестве вспомогательного инструмента при решении магистральных задач. Яркой иллюстрацией данного тезиса выступают события 1884–1885 гг., которые в немецкой историографии ассоциируются с так называемым «тезисом о кронпринце», согласно которому оживление колониальной активности Германии в середине 1880-х гг. было связано не только с вынужденным шагом Бисмарка навстречу устремлениям промышленной буржуазии, рвавшейся к новым рынкам сбыта и источникам сырья, но и с резким ухудшением состояния здоровья Вильгельма I и перспективой скорого вступления на престол кронпринца Фридриха, питавшего симпатии к Великобритании и находившегося под сильным влиянием своей супруги, старшей дочери королевы Виктории. Активизация Германии в Африке выступала в данном случае как попытка рассорить Фридриха с английским двором, что, в принципе, и было отчасти достигнуто.

Между тем в последние годы правления Бисмарка вновь сформировалась оппозиция, критиковавшая и его внутреннюю, и его внешнюю политику. В германских элитах, особенно в Министерстве иностранных дел и в Генеральном штабе, сложилось недоверие к внешнеполитической концепции рейхсканцлера.

Усилия Бисмарка по сбалансированию агрессивных усилий России и Австро-Венгрии в рамках Союза трех императоров казались уже бесплодными в условиях нарастающей угрозы со стороны Петербурга. Зрело поддерживаемое общественным мнением стремление продлить ось Берлин–Вена в Рим и сделать тройственный договор основой будущей германской внешней политики вместо того, чтобы постоянно находиться под русским давлением. Принц Вильгельм, в дальнейшем Вильгельм II, уже при своем вступлении в должность регента продемонстрировал недоверие к политике Бисмарка. В частности, он заявил: «Я не понимаю больше политики канцлера. Он посорит нас с Австрией» [2, S. 107].

Военные советники молодого кайзера, особенно первый генерал-квартирмейстер, граф Альфред Вальдерзее, который надеялся стать преемником Бисмарка на посту рейхсканцлера, делали все, чтобы усугубить это недоверие. Так, в дневнике Вальдерзее есть запись от 15 апреля 1889 г., свидетельствующая о том, что генштаб, в отличие от Бисмарка, рассчитывает на военный конфликт с Россией, в том числе на превентивную войну [3, S. 115].

Неслучайно отношения с Россией стали последним фактором, обусловившим отставку Бисмарка. Тайная депеша Генерального штаба о возможном нападении России в течение недели подтолкнула Вильгельма к мысли о том, что старый канцлер более не в состоянии правильно оценить растущие военные приготовления и агрессивные устремления России. В свете такого подхода предложение русского дипломата в феврале 1890 г. о продлении договора перестраховки выглядело как маневр, призванный скрыть подлинные намерения Петербурга. Ситуация осложнялась тем обстоятельством, что оба Бисмарка попытались увязать продление договора перестраховки с сохранением поста канцлера. В итоге в окружении Вильгельма возобладала точка зрения, согласно которой внешняя политика Бисмарка определялась как не совпадающая с общественным мнением, которое в большей степени ориентировалось на проавстрийский курс.

Каприви, так же как и новый статс-секретарь иностранных дел Адольф фон Биберштейн [2, S. 109], вовсе не были представителями радикального антирусского курса. Им не была абсолютно чужда политическая стратегия Бисмарка, подразумевавшая поощрение экспансионистских интересов соперничающих великих держав. И вместе с тем Каприви не был готов продолжать в неизменном виде ту опасную игру, какой казалась бисмарковская система союзов после 1887 г. Внешняя политика «нового курса» была в значительной мере основана на том, чтобы существенно обрубить разросшееся дерево внешнеполи-

тической системы Бисмарка. Каприви заявил, что не может, как Бисмарк, «... жонглировать пятью мячами: мы будем проводить спокойную, ясную и лояльную политику, чтобы сохранить достижения последних 26 лет; лишь на этом пути возможно сохранение и усиление Германской империи, а не на пути рискованных дипломатических комбинаций...» [4, S. 324].

Отказ от «паломничества в Петербург» выступал, с точки зрения Каприви, необходимой составной частью внешней политики, а также отчетливо обозначилось стремление немецкой дипломатии связать с Центральными державами Великобританию [5, S. 23]. Однако по мере экономического подъема России в начале 1890-х гг. и ее сближения с Францией росла озабоченность германских политических элит военной опасностью на Востоке.

Общественное мнение встретило смену внешнеполитического вектора неоднозначно. Бисмарк использовал «Hamburger Nachrichten» для систематической кампании против Каприви.

Новый рейхсканцлер поставил себе целью подкрепить существовавшие союзные отношения экономическими связями, а для этого требовалось оживить международную торговлю и ослабить существовавшие противоречия. В остальном Каприви был склонен придерживаться бисмарковской традиции самоограничения Германской империи. Внешнеполитическая программа «нового курса» была в принципе разумной, но ее осуществление затруднялось сложностью структур, принимающих решения в Германской империи, а также влиянием внешних факторов. Несмотря на то, что Маршал фон Биберштейн был опытным дипломатом, реальные нити внешней политики находились в руках «серого кардинала» министерства иностранных дел Фридриха фон Гольштейна, имевшего относительно скромный статус «советника с докладом». К тому же руководители германской внешней политики должны были считаться с импульсивной натурой молодого императора, который, несмотря на конституционные ограничения его полномочий, был склонен вмешиваться в принятие внешнеполитических решений [2, S. 112].

Одним из первых мероприятий Каприви в статусе рейхсканцлера была отправка письма английскому премьер-министру лорду Роберту Сесилу Солсбери 4 апреля 1890 г. В нем генерал предлагал дружественную поддержку Великобритании в больших внешнеполитических вопросах, указывая на общность интересов. Это заявление было чрезвычайно благосклонно встречено Солсбери, однако ответ его был весьма обтекаемым и не содержал никаких конкретных тезисов [6, S. 41].

Отправным моментом для немецко-британского сближения должна была стать колониальная сфера в

продолжение переговоров о деэскалации в Восточной Африке. Эти переговоры шли более медленно, чем того хотелось бы германскому правительству, в то время как оно подвергалось давлению сил, заинтересованных в колониальной экспансии. Фридрих фон Гольштейн постоянно увещевал германского посланника в Лондоне, графа Пауля фон Гатцфельда, продолжать переговоры, имея в виду передачу Гельголланда, без которой все дело было бы провалено. Он указывал при этом совершенно в духе времени, что «раздражение против нас из-за колониального вопроса нарастает во всех партиях, включая консерваторов» [7, S. 5]. И действительно, подписанное 1 июля 1890 г. англо-германское соглашение по Гельголанду и Занзибару еще до заключения договора вызвало мощные нападки общественности. После его обнаружения поднялось протестное движение, организованное сторонниками колониальной экспансии. Его рупором стал созданный тогда же Всеобщий Германский союз, позднее переименованный в Пангерманский союз. В его декларации, имевшей громкий заголовок «Германия, проснись», Гельголанд-Занзибарский договор определялся как новый «Ольмюц», тяжелое поражение германской внешней политики, которое нанесло огромный ущерб колониальным интересам Германской империи. Здесь содержался призыв к депутатам всех партий, ощущающих себя немцами, воспрепятствовать ратификации данного договора в рейхстаге. В декларации прозвучала та идея национальной консолидации во внепарламентском поле, которая приобретет большое значение несколько позднее [6, S. 67]. Имперская нация сформировалась и заявляла о своих внешнеполитических интересах.

В действительности, территориальные условия договора были с германской точки зрения вовсе не бесперспективными. Немцы вовсе не приносили существенную жертву в колониальном вопросе. Сохранялась возможность существенного расширения германского влияния в Восточной Африке. Тогда же Каприви выразил протест против так называемого «договора Маккиннена» между Великобританией и Конго, по которому Великобритании отходила узкая полоска побережья оз. Танганьики [Ibid., S. 27]. В остальном германская дипломатия стремилась к установлению взаимопонимания с Великобританией в колониальной сфере, чтобы таким образом достичь сближения и придать обязательствам Великобритании в рамках Средиземноморской Антанты 1887 г. конкретную форму. В этой связи предстоящее в 1892 г. возобновление Тройственного союза с Италией, выступающей связующим звеном между Великобританией и Центральными державами, играло особую роль.

Изначально Каприви был склонен придавать весьма скромное значение союзу с Италией, так как в условиях острых франко-итальянских противоречий он казался германской дипломатии скорее обременением, чем преимуществом. Уже в 1890 г. Франция обнародовала намерение превратить Тунис после смерти бея в свой формальный протекторат, что было воспринято Италией в качестве непосредственной угрозы собственным колониальным интересам в Северной Африке. Соответственно, итальянское правительство требовало от Берлина широкой поддержки в воспрепятствовании этим устремлениям. Одновременно итальянская дипломатия пыталась добиться поддержки как Германии, так и Великобритании временной оккупации Триполи. Данная перспектива не привлекала немцев. Однако премьер-министр Франческо Криспи был настойчив.

После некоторых колебаний Каприви решил в ноябре 1890 г. на визит в Италию и личную встречу с Криспи. Рейхсканцлер стремился отложить конкретное обсуждение итальянского предложения о досрочном обновлении Тройственного союза и дополнении его экономическими соглашениями, так как опасался, что Германская империя будет немедленно втянута в конфликт с Францией, последствия которого просчитать было проблематично. В следующем году переговоры о досрочном возобновлении тройственного союза были возобновлены с преемником Криспи, Антонио Рудини. Каприви дал себя убедить в том, что Италию можно использовать как мостик к Великобритании, и с этой точки зрения Тройственный союз является важным элементом политики западной ориентации [2, S. 115].

В дополнительном протоколе выражалось ожидание, что будут прилагаться усилия для привлечения к Тройственному союзу Великобритании, которая могла бы одобрить договоренности Тройственного союза и стать партнером данной системы. Высказывалась готовность держав Тройственного союза поддержать Великобританию в ее усилиях добиться мирного урегулирования египетского вопроса [6, S. 87]. Таким образом, немецкая дипломатия исходила из ложного представления о том, что сохранение статуса кво на востоке и Ближнем Востоке с помощью Тройственного союза и Средиземноморской Антанты соответствует интересам Великобритании.

Однако после смены британского кабинета министров в 1892 г. главой МИД стал сторонник либерального империализма лорд Арчибалд Примроуз 5-й герцог Розбери, что привело к существенной трансформации внешнеполитического курса страны. В имперских вопросах новое правительство стало действовать более жестко, чем относительно умеренное правительство Солсбери. Новая волна империа-

листических настроений охватила в той же мере Великобританию, подталкивая правительство к последовательной политике не только сохранения, но и расширения Британской империи [2, S. 117].

Особенно ужесточилась британская политика в отношении Самоа, где в 1893 г. вновь обострились противоречия между тремя державами и местным правителем. Заключенное в 1889 г. соглашение по Самоа между Великобританией, США и Германской империей, в котором предусматривалось совместное управление трех держав, не реализовывалось в полном объеме в условиях перманентных внутренних беспорядков и нежелания трех держав совместно действовать. Предложение Германии разделить Самоа между участниками соглашения натолкнулось на резкие возражения Новой Зеландии, поддержанные правительством Розбери. В данных условиях становилось невозможным мирное урегулирование, хотя Берлин и стремился к этому. Настоятельные заверения Маршала в Лондоне, что репутация политики «нового курса» зависит от мирного решения проблемы Самоа, не принесли плодов, и тогда даже Гатцфельдт, делавший все возможное для взаимопонимания между Великобританией и Германией, начал задумываться, не будет ли лучшим решением вопроса военная оккупация той части Самоа, на которую претендовала Германия, чтобы затем уже на этой основе возобновить переговоры [6, S. 96]. Однако так далеко правительство Каприви не было готово зайти.

В Восточной Африке также назревал англо-германский конфликт. Лорд Розбери демонстрировал стремление реализовать соглашение с Леопольдом II об уступке небольшой территории на восточной границе Бельгийского Конго. Маршал заявил, что в 1890 г. уже указывали на «английскую удавку» на наших восточно-африканских владениях как на политическую и коммерческую опасность, и согласиться с таким положением Германия не может. Дипломат подкрепил протест Германской империи испытанным средством из арсенала Бисмарка, а именно угрозой поддержать Францию в египетском вопросе, если Великобритания не остановится в Восточной Африке. И так как синхронно последовал протест и со стороны французского кабинета в отношении англо-бельгийского договора [2, S. 122], Розбери был вынужден остановиться. Данные события следует рассматривать как скромный частичный успех германской дипломатии в сфере внешней политики, который никак не изменил настрой немецкого общественного мнения, в котором возобладали империалистические тенденции. Одновременно Великобритания выказывала растущее противодействие началу широкомасштабной финансово-экономической экспансии Германии в Османской империи под руководством

Дойче банка. Таким образом, складывались не слишком благоприятные предпосылки для реализации великой мечты «нового курса» – фундаментальной перестройки немецкой системы союзов на основе Тройственного союза, а также доверительных отношений с Великобританией, столь необходимых в случае конфликта с Россией и Францией.

Европа вступала в новую фазу международных отношений, в которой вектор колониальной политики Германии под напором общественного мнения должен был стать более наступательным. Сильнейшим потенциальным противником Германии выступала в данном поле Британская империя. Осторожная политика Каприви и Маршала, несмотря на преувеличенные представления германского МИД о политическом пространстве Германской империи, могла в принципе сглаживать англо-германские противоречия до поры до времени. Но Каприви не воспользовался этим шансом, в том числе в силу отсутствия времени, ибо в ноябре 1894 г. был вынужден уйти в отставку под давлением как общественных организаций (например, Союза сельских хозяев), так и придворных кругов.

Таким образом, 1890–1894 гг. можно рассматривать как переходный период во внешней политике Германской империи, когда при перестройке бисмарковской системы европейских союзов германская дипломатия по-прежнему использовала колониальный вопрос преимущественно в качестве рычага давления на возможных союзников, в то время как общественное мнение все отчетливее обозначало необходимость расширения жизненного пространства Германской империи, что приведет к переходу к мировой политике при Гогенлоэ-Шиллингсфюрсте и Бюлове.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Caprivi L.* Die Reden des Grafen von Caprivi im Deutschen Reichstage, Preußischen Landtage und bei besonderen Anlässen : 1883–1893 ; mit der Biographie und dem Bildnis / L. Caprivi ; hrsg. von Rudolf Arndt. – Berlin : Hofmann, 1894. – 424 S.
2. *Mommsen T.* Grossmachtstellung und Weltpolitik : die Aussenpolitik des Deutschen Reiches 1870 bis 1914 / W. Mommsen. – Frankfurt am Main : Propyläen, 1993. – 360 S.
3. *Waldersee A. von.* Denkwürdigkeiten des General-Feldmarschalls Alfred Grafen von Waldersee. Bd. 2. 1888–1900 / A. von Waldersee. – Stuttgart ; Berlin : Dt. Verl. Anst., 1922. – 456 S.
4. *Groeppe H.* Bismarcks Sturz und die Preisgabe des Rückversicherungsvertrages / H. Groeppe ; Bearb. und hrsg. von Maria Tamina Groeppe. – Paderborn ; München ; Wien ; Zürich : Schöningh, 2008. – 600 S.

5. *Canis K.* Von Bismarck zur Weltpolitik : deutsche Außenpolitik 1890 bis 1902 / K. Canis. – Berlin : Akademie-Verl., 1997. – 430 S.

6. Quellen zur deutschen Außenpolitik im Zeitalter des Imperialismus : 1890–1911 / hrsg. von Michael Behnen. –

Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, [[Abt. Verl.]], 1977. – 539 S.

7. *Caprivi L. von.* Die ostafrikanische Frage und der Helgoland-Sansibar-Vertrag / L. von Caprivi. – Berlin : Triltsch, 1934. – 55 S.

*Воронежский государственный университет
Солодовникова С. В., кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории зарубежных стран и востоковедения*

E-mail: solodovnikova_sv@mail.ru

*Voronezh State University
Solodovnikova S. V., Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department of History of Foreign
Countries and Oriental Studies*

E-mail: solodovnikova_sv@mail.ru